го? Откуда рѣзкость и рѣшительность нашего образа дѣйствій? Почему мы такіе? Мы отвѣчаемъ: потому что мы—представители трудящихся въ потѣ лица своего массъ. Изъ нѣдръ самой жизни, глубоко поруганной властями, разоренной во всѣхъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ проявленіяхъ ими же, подъ игомъ произвола и насилія задыхающейся, свидѣтели и сами настрадавшіеся представители трудящихся классовъ высланы сюда передовой ратью, какъ сыны и братья народа. Сурова и жестока жизнь: вотъ почему суровъ и рѣзокъ языкъ представителей трудящихся; вотъ почему рѣшителенъ образъ ихъ дѣйствій. Онъ, конечно, не всѣмъ понятенъ; онъ — о, конечно! — шокируетъ тѣхъ депутатовъ, которые не видѣли или изъ окна только видѣли жизнь.

Языкомъ жизни говорятъ депутаты трудящихся, именемъ жизни и именемъ народа говорятъ и будутъ они говорить.

Я понимаю, какъ отвѣтственно говорить именемъ народа.

Говорить именемъ народа страшно отвѣтственно, страшно рискованно; говорить именемъ народа можно только тогда, когда можно представить неопровержимыя и непреложныя свидѣтельства самого народа. Какъ-то псковскій депутатъ гр. Гейденъ заявилъ, что въ одинъ прекрасный день онъ, поднявшись на каѳедру, заявитъ, что и онъ говоритъ именемъ народа. Я вѣрю, что у гр. Гейдена найдется достаточно смѣлости для заявленій подобнаго рода; но я также хорошо знаю, что свидѣтельства народа у почтеннаго гр. Гейдена не найдется.

Депутаты трудящихся могутъ и должны говорить именемъ народа. По мѣрѣ того, какъ идетъ день за днемъ, и событія идутъ одно за другимъ, со всѣхъ концовъ обширной страны каждый день, какъ изъ рога изобилія, въ трудовую группу поступаютъ письма, телеграммы, наказы, приговоры.

Въ разныхъ выраженіяхъ, во всѣхъ промежуточныхъ степеняхъ между мольбами и требованіями, объ одномъ говорятъ всѣ документы: о волѣ, землѣ и готовности народа поддержать своихъ депутатовъ. Конечно, съ думской трибуны и на столбцахъ газеты приличествуетъ говорить только полную правду,—и полноту правды я долженъ сказать и теперь. Вмѣстѣ съ многочисленными документами, о которыхъ только-что упоминалось мною, члены трудовой группы получаютъ и иные документы—короткіе, малочисленные, на имена пяти, шести членовъ: это смертные имъ приговоры.

Мы не знаемъ, откуда и отъ кого исходятъ приговоры къ смерти: нѣтъ ни именъ, ни фамилій, ни указаній своего адреса.

Откуда они: изъ темныхъ низовъ или съ золотыхъ верховъ и отъ послушныхъ имъ агентовъ? Мы не знаемъ; но это вызовъ, конечно. Пусть такъ, хорошо.

Передъ сраженіемъ воины слагаютъ молитвы и гимны: мы принимаемъ вызовъ,—и слова своего гимна слагаемъ.

Пусть депутатовъ трудящихся приговариваютъ къ смерти темные низы; пусть прольется кровь депутатовъ; но пусть знаютъ темныя массы: не месть къ нимъ, не злоба и негодованіе къ нимъ горятъ въ сердцѣ нашемъ, но безконечное состраданіе, горячая любовь и жажда вывести ихъ къ правдѣ и свѣту; и изъ пролитой крови не месть вырастетъ къ нимъ, но окрѣпнетъ залогъ нашего служенія имъ.

Пусть смертные приговоры исходятъ изъ верховъ или отъ послушныхъ имъ агентовъ; но пусть знаютъ они: изъ пролитой крови депутатовъ трудящихся вырастетъ страшная правда и всей своей тяжестью она падетъ на головы совершившихъ злодѣйство; а день смерти станетъ днемъ иной жизни, и жизнь эта будетъ новой, свободной.

Но пока депутаты трудящихся живы, они, какъ и жизнь, сохранятъ жесткость своего лексикона и рѣшительность своего образа дѣйствій.

Депутатъ С. Бондаревъ.

Легкіе симптомы.

Избіеніе полиціей депутата Сѣдельникова по нынѣшнему обильному событіями времени есть для газеты тема уже вчерашняго дня, ибо за нимъ уже пришли и прошли докладъ въ думѣ о бѣлостокскомъ погромѣ, слухи о военной диктатурѣ и роспускѣ думы и пр., и пр. Однако, объ этой вчерашней темѣ можно и слѣдуетъ еще говорить. Человѣческая способность легко забывать прошлое, уступая мѣсто во вниманіи и чувствѣ все новому настоящему, вообще всегда—вредная способность: это—первый шагъ къ примиримости со всякой мерзостью жизни. Паче въ революціонное время: тутъ ничего нельзя забывать, ничего нельзя снимать съ очереди въ угоду Молоху злободневности, ничего нельзя вычеркивать изъ своей памяти. Нужно одинаково свѣжо ощущать *сегодня* и убійства 9 января, и бѣлостокскія звѣрства. Ибо только въ этомъ постоянствѣ чувства, въ этой прочности памяти, въ которыхъ складывается одно съ другимъ, но не загораживаетъ одно другое всѣ страданія народа, въ этой вѣчной свѣжести мысли и чувства—вся сила народнаго гнѣва, вся суть революціоннаго настроенія. Ничего не надо забывать, ибо ничего нельзя прощать: забытое есть прощенное.

Мы еще не дожили до такого состоянія силы, когда можемъ забывать и прощать безъ ущерба для себя. Мы не имѣемъ права сдать въ архивъ вмѣстѣ съ думскимъ запросомъ и факта избіенія депутата Сѣдельникова. Этотъ «казусъ» полицейскаго управительства значительнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда.

Въ самомъ фактѣ избіенія депутата нѣтъ ничего новаго, ничего, вызывающаго изумленіе. Полиція побила депутата! Скажите на милость—полиція, убивающая ежедневно десятки людей и убившая ихъ тысячи,—что дала новаго и исключительнаго въ избіеніи Сѣдельникова? Но для меня нѣтъ сомнѣній въ томъ, что въ этомъ избіеніи была, кромѣ обычнаго проявленія полицейской разнузданности (по отношенію къ закону и личности), еще и правительственная тенденція, частичка системы; и для меня это нападеніе громилъ въ бляхахъ на депутата въ тысячу разъ яснѣе опредѣляетъ направленіе правительственной политики, чѣмъ всѣ слухи изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ о петергофскихъ намѣреніяхъ...

Въ самомъ дѣлѣ, мы прекрасно знаемъ, что есть наша полиція... Невѣжественная, необузданная и грубая, исповѣдующая коранъ произвола, она, конечно, способна бить кого угодно. Но насколько она нахальна по отношенію къ обывателю, настолько же она труслива по отношенію къ начальству. Все, что она дѣлаетъ, она дѣлаетъ спокойно и широко только тогда, когда увѣрена въ полной безнаказанности. Только тогда она разнуздана внизу, среди обывателей, когда взнуздана наверху начальствомъ, т. е. снабжена отъ него опредѣленными инструкціями, разрѣшеніями и согласіемъ. Когда министру Столыпину нужно свалить съ себя вину въ бѣлостокскомъ погромѣ, онъ говоритъ, что полиція въ Бѣлостокѣ была хуже, чѣмъ требуется, т. е. какъ будто не подчинялась всѣмъ требованіямъ начальства. Это, конечно, ложь. Самъ Столыпинъ не рѣшился сказать, что полицейскіе чины не подчиняются общей дисциплинѣ, дѣйствуютъ на свой страхъ, выходя изъ повиновенія высшимъ.

И потому я неминуемо долженъ заключить, что то, что дѣлаетъ каждый изъ нихъ, онъ дѣлаетъ только при точныхъ инструкціяхъ и полной увѣренности, что такъ велѣно. Невѣжественный полицейскій чинъ не умѣетъ самостоятельно индивидуализировать казусы своей полицейской практики. Для того, чтобы разогнать митингъ, не останавливаясь предъ избіеніемъ, онъ долженъ твердо знать, что надо разогнать и надо не останавливаться предъ избіеніемъ... Это онъ уже твердо знаетъ изъ прошлаго. Но наталкиваясь на особый казусъ—на члена государственной думы, полицейскій чинъ долженъ былъ бы стать въ тупикъ передъ вопросомъ о его неприкосновенности. Въ его тупой, некритической мысли званіе депутата выдѣлено изъ прочихъ званій обывательскихъ, выдѣлено не собственнымъ, конечно, міропониманіемъ, а инструкціей начальства. Онъ подчиняется слѣпо, и потому-то въ первые дни пристава вытягивались во фронтъ передъ депутатами, и даже бѣлостокскій комендантъ недавно еще козырялъ Щепкину, какъ начальству. Если теперь возможно было нападеніе полиціи на депутата, то, стало быть, представленіе полицейскихъ о депутатѣ, какъ о силѣ привилегированной, рухнуло. Иными словами: чтобы напасть на депутата, полицейскій долженъ былъ получить увѣренность свыше, что *теперь можно бить и депутатовъ*, подобно тому какъ онъ не трогалъ ихъ, имѣя предписаніе не трогать. Иначе оно быть не можетъ: ни одинъ полицейскій чинъ не рѣшится самовольно нарушить начальствомъ наложенное табу, пока оно существуетъ, ибо всякій «чинъ» боится наказанія. Если же онъ рѣшился, стало быть табу не существуетъ, табу снято. И такъ какъ оно могло быть снято только начальствомъ, то ясно, что депутатской прикосновенности не существуетъ въ пониманіи низшихъ агентовъ власти именно потому, что она перестала существовать въ программѣ высшихъ. Это похоже на начало поворота къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ думы. Это отвѣтъ на «бунтовщическія» рѣчи трудовой группы о министрахъ. Это не «эпизодъ», а—программный номеръ. Думскій регуляторъ гр. Гейденъ, неизмѣнно приходящій въ движеніе при всякомъ повышеніи давленія въ засѣданіяхъ думы, роковымъ образомъ заблуждается, заявляя, что не министры, а городовые побили Сѣдельникова. Именно министры, но только руками городовыхъ. Нужно быть безнадежно «осторожнымъ», чтобы не понять, что избіеніе Сѣдельникова—дѣло всего министерства. Лучшее доказательство—отвѣтъ Столыпина, не довѣряющаго версіи Сѣдельникова и ожидающаго для «безпристрастной оцѣнки» факта—сообщенія избивавшихъ депутата городовыхъ,—знающаго уже три дня о фактѣ, и не шевельнувшаго пальцемъ!.. Что за ребяческое самообольщеніе!.. Правительство ясно показываетъ, что оно перестало церемониться съ депутатами и ихъ неприкосновенностью. Столыпинъ, не смущаясь, заваливаетъ думу побасенками о безпристрастномъ разслѣдованіи, пошлостями о «лицѣ, стоящемъ во главѣ министерства вн. дѣлъ» и т. д... А гр. Гейденъ ищетъ различія между министрами и городовыми.

Я глубоко вѣрю въ надвигающуюся опасность... Это, конечно, не опасность для народнаго дѣла; но для думы случай съ Сѣдельниковымъ долженъ стать очень значительнымъ memento. Если она несумѣетъ отвѣтить на это реальное нападеніе реальной самозащитой, если она и теперь останется на «легальной почвѣ» и не найдетъ въ себѣ мужества и силы какимъ бы то ни было путемъ заставить правительство возстановить ея право и въ той формѣ сатисфакціи, которой *она* потребуетъ,—ея пѣсня спѣта!

Пусть призадумаются надъ этимъ кадеты и гр. Гейденъ, отдѣляющій министровъ отъ городовыхъ!

Гайавата.

Дума и „правительство".

Упорно играя въ конституцію, предсѣдатель думы г. Муромцевъ неукоснительно останавливаетъ ораторовъ, заявляющихъ, что дума такъ-то и такъ-то отнеслась къ правительству... «Не къ правительству, къ министерству»—поправляетъ г. Муромцевъ. «Дума сама—часть правительства».

Странно, что ни самъ предсѣдатель, ни кто-нибудь изъ ораторовъ ни разу не вспомнили по этому поводу резолюціи думы, принятой въ отвѣтъ на декларацію министровъ. Тамъ, въ этой думской резолюціи, сказано: «*правительство* совершенно не желаетъ удовлетворить тѣ народныя требованія» etc. и далѣе: «*правительство* обнаруживаетъ явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа и явное нежеланіе избавить страну отъ новыхъ потоковъ крови». Итакъ, сама дума противопоставила себя правительству, и совершенно резонно. Дума не можетъ быть «частью» того правительства, которое истребляетъ народъ. Если дума—правительство, то камарилья съ тѣми, кто *надъ* ней, и съ тѣми, кто *подъ* ней—*не* правительство, но вѣдь смѣшно же это говорить: фактически правитъ Россіей именно эта организація погромщиковъ! А дума противостоитъ ей, какъ безсильный пока и лишенный всякой фактической власти противникъ, который, *можетъ быть*, будетъ правительствомъ...

Во всякомъ случаѣ, тогда было г. Муромцеву не допускать думской резолюціи или протестовать противъ нея, когда она принималась. А теперь нелѣпо обрывать депутатовъ, повторяющихъ то, что сказала дума.

М. Ал—чъ.

Бѣлознаменный либерализмъ.

(По поводу статьи г. Петра Струве: „Черносотенный соціализмъ").

Въ № 8 еженедѣльника «Культура и Свобода» г. Струве цитируетъ мою статью «Хорошіе господа» (№ 16 «Народнаго Вѣстника»), какъ «типичный образчикъ того паденія, до котораго дошла въ нѣкоторыхъ своихъ развѣтвленіяхъ русская соціалистическая мысль». Подъ «нѣкоторыми развѣтвленіями» г. Струве подразумѣваетъ русскія соціалистическія партіи, кромѣ «меньшевиковъ»—соціалъ-демократовъ, которые, по крайней мѣрѣ въ статьяхъ г. Плеханова, дѣйствительно «поднялись» на одинъ уровень съ либеральными дворянами кадетской партіи. «Подъемъ»—съ горы въ болото!—своеобразный; но, къ сожалѣнію, фактъ налицо: «меньшевистская» фракція соціалъ-демократовъ дѣйствительно удостоилась лобзанія г-на Струве,—воображаю, съ какой гримасой она послѣ этихъ лобзаній утирается!... А ничего не подѣлаешь: сама виновата!

Безусловный противникъ «мирнаго исхода», который я считаю и невозможнымъ, и *нежелательнымъ*; безусловный врагъ антинародной кадетской партіи, съ которой у друзей народа не должно быть не только прочнаго, но и *временнаго* союза; максималистъ, убѣжденный въ томъ, что великая русская революція заложитъ основаніе новаго соціалистическаго общества, *)—я, къ сожалѣнію, не могу признать свои статьи «типичными» даже для той партіи, программу которой раздѣляю съ нѣкоторыми отступленіями и въ органѣ которой имѣлъ честь помѣстить статью, возмутившую бѣлознаменный либерализмъ «убѣжденнаго монархиста», г. Струве... Поэтому возражать г. Струве могу только отъ своего лица.

Г. Струве давно сердится. Ножками притопываетъ, кулачками помахиваетъ, крылышками похлопываетъ... «Я васъ, крамольники!» Пѣтушокъ революціи, вообразившій себя ея орломъ, г. Струве по пріѣздѣ въ Россію очутился въ интересномъ, но положительно непріятномъ положеніи. Все-таки, какъ хотите, былъ онъ какъ бы лидеромъ какъ бы революціонеровъ, а тутъ сразу попалъ въ «перелеты». Ходилъ къ Витте-Тушинскому вору, заигрывалъ съ революціонерами, ругалъ революціонеровъ, нападалъ на правительство, одобрялъ правительство и, въ концѣ концовъ, въ своей собственной партіи занялъ роль малаго услужливаго, но за которымъ нуженъ глазъ да и глазъ... Обидно!

Для своей партіи г. Струве, во всякомъ случаѣ, полезенъ въ качествѣ публициста, готоваго на всякія инсинуаціи. Это орудіе онъ пускаетъ въ ходъ и противъ моей статьи.

Я высказываюсь противъ либеральнаго дворянства, составляющаго ядро кадетской партіи. Мотивирую это тѣмъ, что его программа земельной реформы съ *выкупомъ* земель и съ *сохраненіемъ частной земельной собственности* идетъ вразрѣзъ съ интересами подавляющей массы крестьянства. Г. Струве самъ это знаетъ. Онъ знаетъ, что земельная реформа на такихъ основаніяхъ спустя немного лѣтъ снова приведетъ къ обезземеленію народныхъ массъ, водворенію батрацкаго хозяйства и закабаленію милліоновъ тружениковъ. Онъ знаетъ, что только соціализація земли можетъ прочно обезпечить землю за трудящимися на ней, за ихъ дѣтьми, за будущими поколѣніями. Онъ знаетъ, что программа кадетовъ противонародна и *противореволюціонна* такъ же, какъ ихъ программа политическихъ реформъ, отвергающая народовластіе и замѣняющая провозглашеніе свободы печати, собраній etc... законами о стѣсненіи свободы печати, собраній etc. Онъ знаетъ также, что кадетская партія готова оружіемъ подавлять вооруженное возстаніе. Не заявлялъ ли кн. П. Д. Долгоруковъ въ «Правѣ», что крестьянскія волненія слѣдуетъ подавлять вооруженною силою. Вы забыли объ этомъ, г. Струве,—я не забылъ, какъ не забылъ и вашихъ статей въ «Полярной Звѣздѣ» о «терроризированіи дворниковъ» московскими революціонерами. Вы, еще не управившись съ Базеномъ, высматривали Галиффэ, усмирителя бунтующихъ рабочихъ; а дай-ка вамъ въ руки власть...

Но дѣйствительную причину моего враждебнаго (безусловно враждебнаго, это вѣрно) отношенія къ кадетамъ г. Струве осторожно обходитъ, а инсинуируетъ такъ: «г. Изгоевъ, въ статьѣ котораго «читатель найдетъ... прошедшую черезъ изученіе фактовъ и ихъ осмысливаніе критическую мысль», относитъ либеральное дворянство «къ третьему элементу», т. е. земскимъ служащимъ, интеллигентному пролетаріату. Слѣдовательно, заключаетъ г. Струве, Энгельгардтъ нападаетъ на интеллигенцію, на «образованное (культурное) меньшинство народа».

Если г. Изгоевъ отождествляетъ либеральное дворянство съ «третьимъ элементомъ», то это лишь показываетъ, что «критическая мысль» г. Изгоева дѣйствительно «прошла черезъ» изученіе фактовъ и ихъ осмысливаніе, по удачному выраженію г. Струве, и потому ничего общаго съ фактами и ихъ осмысливаніемъ не имѣетъ. Но я вѣдь не смѣшиваю этихъ двухъ общественныхъ элементовъ; зачѣмъ же навязывать мнѣ выводы изгоевской «игры ума»?

Къ интеллигенціи, къ культурному меньшинству относятся тѣ партіи, о «паденіи» которыхъ говоритъ г. Струве и для которыхъ онъ считаетъ мою статью «типичной». Очевидно, на интеллигенцію «вообще» я нападать не могу.

Не относится къ интеллигенціи вообще и мое мнѣніе о той интеллигенціи, которая несетъ свои знанія на службу врагамъ народа и по поводу которой я вспоминаю слова Коффингаля: «Республика не нуждается въ ученыхъ». Форма этихъ словъ нелѣпа, но обстоятельства времени и мѣста вложили въ нихъ зерно глубокаго смысла. Революція не нуждается въ тѣхъ ученыхъ, которые пойдутъ противъ нея, потому что революція вызоветъ расцвѣтъ науки, о которомъ и не мечтала рабья эпоха. А г. Струве серьезнѣйшимъ образомъ старается увѣрить меня, что знаніе—сила, что «даже соціалъ-демократы» признаютъ это, и цитируетъ слова Либкнехта «Wissen ist Macht». А я и не зналъ,—представьте себѣ; я думалъ, что соціалисты хотятъ уничтожить науку, книги, печать, университеты, школы, грамоту... Это, я думаю, ужъ не инсинуація, а наивность со стороны г. Струве: онъ и его партія *дѣйствительно боятся, что возставшій народъ уничтожитъ науку, истребитъ культуру!*... Но я-то вѣдь знаю, что какъ французская революція—при всей своей «разрушительности»,—соединилась съ небывалымъ расцвѣтомъ науки, такъ и русская революція вызоветъ небывалый еще расцвѣтъ науки и распространеніе знанія во всѣхъ слояхъ народа. Для меня и вопроса объ уничтоженіи науки и культуры не можетъ быть: этого уничтоженія даже русское правительство не смогло добиться...

Не раздѣляя ребяческихъ кадетскихъ страховъ насчетъ опасности, которою возставшій народъ грозитъ культурѣ,—партіи, убѣжденныя въ томъ, что великая русская революція можетъ положить основаніе дѣйствительно новому строю, и что это основаніе можетъ быть заложено *только въ революціонной бурѣ* (правильно замѣтилъ кадетъ Щепкинъ: «принципіальное рѣшеніе земельнаго вопроса достижимо только революціоннымъ путемъ, котораго мы, партія народной свободы, стараемся избѣжать»),—должны идти до конца, не отступая ни передъ чѣмъ и не уставая выводить на чистую воду контръ-революціонныя партіи, пытающіяся снять съ революціи пѣнки въ пользу буржуазіи. Если это черносотенство, то извольте: я такое черносотенство предпочитаю кадетской бѣлизнѣ... Но, во всякомъ случаѣ, такое черносотенство ничего общаго не имѣетъ съ бѣлымъ знаменемъ, которое объединяетъ гг. Струве, Гейденовъ, Стаховичей и... кое-кого еще похуже.

Вотъ и все, что возражаетъ г. Струве. Жидко? И отвѣчать бы не стоило,—скажетъ, пожалуй, читатель. Но характерно для этихъ господъ,—вы указываете: такіе-то общественные элементы опасны для революціи, а вамъ въ отвѣтъ: онъ возстаетъ противъ науки, противъ культуры... черносотенецъ. Дайте этимъ господамъ немного усилиться, и вы услышите отъ нихъ уже не «черносотенецъ», а «крамольникъ»,—со всѣми приложеніями...

М. Энгельгардтъ.

*) Я подробно излагалъ свои взгляды на этотъ вопросъ въ статьѣ „Цѣль русской революціи" въ „Журналѣ для всѣхъ".

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Петергофское пѣснопѣніе.

„Находящійся у Трепова въ Петергофѣ профессоръ черной и бѣлой магіи Папюсъ, повидимому, тоскуетъ. По вечерамъ онъ выходитъ на балконъ и уныло поетъ".

(Изъ газетъ).

Элегія Папюса.

Ночь петергофская тихая, свѣжая...
Жутко въ нѣмой полутьмѣ...
Думы гнетутъ меня... Боже мой, гдѣ же я?
Въ замкѣ иль въ русской тюрьмѣ?
То въ колпакѣ, то въ подаренной митрѣ я
Долгіе, скучные дни
Все повторяю напѣвы Димитрія:
«Боже, царя храни!»

Какъ надоѣли видѣнія злобныя
Раньше погибшихъ служакъ,
Магія черная, рѣчи загробныя,
Мантія, туфли, колпакъ...
Какъ опротивѣла свора придворная...
Въ глазкахъ холопьихъ огни...
Тянутъ умильно съ надеждой притворною:
«Боже, царя храни!»

Смутно страшась, средь волненья нелѣпаго
Всѣ, какъ въ осадѣ, живемъ...
По предписанью Димитрія Трепова
Молимся ночью и днемъ.
Страшно, о Боже, мнѣ съ шайкою тѣсною
Жить трепеща на Руси!
Боже, не дай ты мнѣ участь совмѣстную,
Боже, меня спаси!

Вилли.

Въ яму.

Газеты сообщаютъ, что къ знаменитому полковнику Риману предъявлено нѣсколько исковъ со стороны родственниковъ убитыхъ имъ или его солдатами жертвъ. Иски объ убыткахъ.

Мы ни минуты не сомнѣваемся, что полковникъ Риманъ платить не пожелаетъ.

За что же въ самомъ дѣлѣ ему платить?

Вѣдь это генералъ Минъ изволилъ приказать, чтобы не брать плѣнныхъ и дѣйствовать безпощадно. Ну, вотъ полковникъ Риманъ и дѣйствовалъ. За что же платить?

Пусть ужъ платитъ генералъ Минъ.

Но и генералу Мину платить нѣтъ никакой охоты. Деньги ему тоже вѣдь не даромъ достаются, а тоже цѣной человѣческой крови. А онъ человѣкъ семейный. Дочери приданое нужно и туалеты, женѣ обновить гардеробъ... Глядишь, и нехватка въ деньгахъ, хоть новое побоище устраивай.

Однимъ словомъ, платить какимъ-то родственникамъ за какихъ-то убитыхъ, да и убитыхъ-то не имъ лично, а Риманомъ или солдатами, генералъ Минъ положительно несогласенъ.

— Чортъ возьми,—разсуждаетъ генералъ Минъ,—я тоже человѣкъ подневольный! Пускай платятъ тѣ, которые меня посылали.

Но тѣ, кто посылалъ семеновцевъ въ карательную экспедицію, тоже не расположены платить и разсуждаютъ вполнѣ резонно:

— Мы, молъ, поставлены заботиться о благѣ народа, и для блага народа мы послали господъ семеновцевъ, такъ пусть же народъ и платитъ за убытки.

Съ точки зрѣнія правительственной справедливости разсужденіе правильное, но... Но если архи-правильно разсудить съ той же точки зрѣнія, то и полковника Римана безъ наказанія оставить нельзя, потому и онъ виноватъ.

Вѣдь генералъ Минъ ему категорически предписалъ быть безпощаднымъ—и вдругъ, послѣ всякихъ разстрѣловъ, объявляются какіе-то родственники, которые жалуются, вчиняютъ какіе-то иски, поднимаютъ шумъ! Что же, развѣ полковникъ Риманъ не могъ... и родственниковъ?..

Неужели полковникъ Риманъ не читалъ въ дѣтствѣ извѣстнаго разсказа про барина, подавшаго добрый совѣтъ мужику, незнавшему куда убрать соръ со двора:

— А ты выкопай яму, да и закопай туда весь соръ.

— А куда же я землю-то дѣну, что изъ ямы выкопаю?

— Ахъ, чудакъ-человѣкъ! Ты выкопай яму побольше да и закопай туда и соръ, и землю.

Вѣдь для господъ Миновъ и Римановъ и для пославшихъ ихъ жертвы карательныхъ отрядовъ представляются ничѣмъ инымъ, какъ негоднымъ соромъ, и, конечно, предъявленіе исковъ объ убыткахъ со стороны родственниковъ убитыхъ жертвъ можетъ вызвать лишь негодующее восклицаніе:

— Ахъ, полковникъ Риманъ, пороху у васъ что ли не хватило? Ну что бы вамъ и родственниковъ?

— Вамъ хорошо разсуждать. Но вѣдь у родственниковъ-то тоже родственники могли бы объявиться.

— А вы бы и родственниковъ родственниковъ!

Въ самомъ дѣлѣ, чего стѣсняться? Копай глубже яму, какъ можно глубже, закапывай туда всѣхъ, кого считаешь соромъ, всѣхъ, кто мѣшаетъ. Закапывай туда весь народъ. Всю Россію закапывай. Лишь бы было просторно такимъ истинно-русскимъ людямъ, какъ Мины, Риманы, Сиверсы, Нейдгардты, Ренненкампфы и проч., и проч., и проч.

Только ими и хранима
Въ наши времена
Безглагольна, недвижима
Русская страна.

Диръ.

Браслеты.

Были нужны деньги.

Отъ этихъ ничтожныхъ кусочковъ золота, отъ жалкихъ, грязныхъ бумажекъ зависѣлъ исходъ большого, серьезнаго дѣла.

Ко мнѣ пришли и сказали:—Не можешь ли ты помочь?

Я отвѣтила:—Постараюсь.

А денегъ не было, и надо было ихъ достать. Я сидѣла одна въ своей комнатѣ и злилась: самый безпощадный изъ демоновъ—демонъ прошлаго, издѣвался надо мной. Онъ командовалъ моей памятью, и она, послушная, назойливо считала всѣ когда-либо разбросанныя мною деньги. Блестящіе камушки искрились радужнымъ переливомъ, пѣнилось вино въ тонкихъ хрустальныхъ бокалахъ, словно змѣи шелестѣли куски шелковыхъ матерій, и ярко, надоѣдливо стояли въ глазахъ большіе розовые затканные букеты... То было красивое бальное платье.

Машинально, по старой привычкѣ, отперла я лѣвый ящикъ стола. Здѣсь когда-то лежали деньги и золотыя бездѣлушки... Нѣтъ! Ничего нѣтъ!.. Но ящикъ не пустъ, теперь въ немъ покоятся молчаливо-грузные, спокойно-услужливые новые друзья. Вотъ тяжелые, плоскіе «браунинги», кокетливые «виладоки», угрюмый «ноганъ»... вотъ похожій на англичанина холодный «смитъ-вессонъ»...

Изъ-подъ коробокъ съ патронами глядитъ уголокъ краснаго сафьяннаго футляра. Что это? Ба, мои браслеты! Какъ могла я забыть о нихъ? Это—деньги.

На пожелтѣвшемъ бѣломъ атласѣ свернулись массивныя золотыя цѣпи. Два медальона служатъ имъ замками. На крышкахъ весело смѣются бриллiантики, а подъ крышками вдѣланы два портрета-миніатюры.

Красивый гусарскій офицеръ въ аломъ расшитомъ мундирѣ съ орлинымъ носомъ и большими, строгими глазами... Пудреная женская головка, такая нѣжная, изящная, наивно-чувственная...

Это—мои прадѣдъ и прабабка...

Ну, что же, вотъ и деньги! Или тебѣ жалко?—спрашиваю я себя.

Нѣтъ, не жалко, а все-таки... какъ-то неловко торговать родственниками въ розницу...

Это собственное глупо-выраженное возраженіе веселитъ меня. Я начинаю хохотать и сразу рѣшаю продать браслеты.

Да, да, деньги нужны!.. Деньгами и кровью, желѣзомъ и золотомъ, самою жизнью купимъ мы свободу...

Вотъ я и у лавки антикварія. Открылась дверь, рѣзко звякнулъ колокольчикъ... Сѣдой старичокъ, такой же милый, смѣшной и ненужный, какъ фарфоровыя маркизы и бронзовые амуры, стоящіе на его полкахъ, беретъ мои браслеты. Осторожно вынимаетъ онъ ихъ изъ футляра, вертитъ въ рукахъ, считаетъ бриллiантики, хвалитъ миніатюры... Онъ хотѣлъ бы знать, сколько имъ лѣтъ, этимъ браслетамъ... Онъ хотѣлъ бы слышать біографію этихъ людей...

О, біографію? Что же я разскажу ему?..

Да, да... это дворяне, помѣщики... онъ славился... жестокостью... крестьянъ засѣкали... былъ цѣлый гаремъ... Дама — его жена... да, она была несчастлива... онъ умеръ раньше... послѣ его смерти она много молилась, даже жила при монастырѣ... завѣщала монастырямъ большія средства...

Наконецъ, старичокъ даетъ мнѣ деньги. Ихъ не очень-то много, во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ бы я хотѣла, но дѣлать нечего.

И вотъ, когда я уже уложила въ кошелекъ эти ничтожные кусочки золота и жалкія, грязныя бумажки, старичокъ вдругъ сурово косится на меня и задаетъ вопросъ:

— Откуда у васъ эти браслеты? Это—ваши предки?

Онъ такъ забавенъ, этотъ смѣшной ненужный старичокъ, что я не могу воздержаться отъ фарса.

— Нѣтъ,—говорю я ему,—мои предки въ Сибири, а мои потомки будутъ свободными людьми...

И не давъ ему опомниться, не насладившись даже эффектомъ своего школьничества, я ухожу изъ лавки.

Диль-Тальхъ.

Вульгарный соціализмъ.

Не безъ интереса взялъ я въ руки первый выпускъ новаго книгоиздательства «Максималистъ»—сборникъ, носящій смѣлое и яркое заглавіе: «Прямо къ цѣли» *).

Авторы сборника являются, въ ихъ собственномъ сознаніи, «максималистами», т. е. людьми, желающими шагнуть непосредственно къ осуществленію наиболѣе основныхъ требованій соціализма, — идущими «прямо къ цѣли», не задерживаясь на полустанкахъ.

Такимъ образомъ, повидимому, основная ихъ черта—революціонная рѣшительность. Качество, драгоцѣнное вообще и особенно драгоцѣнное въ революціонныя эпохи, подобныя переживаемой нами. Хорошо идти «прямо къ цѣли», не колеблясь, не дѣлая зигзаговъ, не застревая, не оглядываясь боязливо назадъ. Хорошо... если при этомъ отдавать себѣ полный отчетъ и въ самой цѣли, и въ реальныхъ путяхъ и средствахъ къ ея достиженію.

Цѣль, къ которой «прямо» желаетъ идти коллективный «Максималистъ», есть осуществленіе въ самый разгаръ революціи, наряду съ соціализаціей земли, также и соціализаціи всѣхъ фабрикъ и заводовъ.

Эта формула кажется «Максималисту» чрезвычайно простой и ясной. Вѣдь ясна же соціализація земли! А что же такое соціализація фабрикъ и заводовъ, какъ не логическое распространеніе той же идеи съ земледѣлія на промышленность, съ деревни—на городъ?

Многіе, очень многіе хромаютъ на эту ногу—мыслятъ поверхностными аналогіями, замѣняя ими вдумчивый анализъ. И—крайности сходятся! Наряду съ «Максималистомъ» на точкѣ зрѣнія такихъ же плоскихъ аналогій стояли въ своей полемикѣ противъ насъ и соціалъ-демократы, и даже «кадеты». «Вы требуете соціализаціи земли, да еще безъ выкупа; но это нелогично и несправедливо, разъ вы одновременно не требуете такой же экспропріаціи фабрикъ и заводовъ». Всѣ они почему-то тоже предполагали, что соціализаціи земли въ деревнѣ соотвѣтствуетъ соціализація фабрикъ въ городѣ. Но развѣ соціализація земли есть только деревенская, только аграрная мѣра? Почему же соціализаціи земли въ деревнѣ соотвѣтствуетъ не такая же соціализація *городской земли*, а что-то другое? Развѣ земля есть только въ деревнѣ, а въ городѣ ея нѣтъ? Смѣю всякаго завѣрить, что есть, хотя отъ иныхъ невнимательныхъ глазъ она и законспирирована,—гдѣ асфальтомъ, гдѣ торцовой мостовой, гдѣ фундаментами домовъ. Но отъ вниманія экономиста это ее не укрываетъ. Земля, какъ объектъ частной собственности, даетъ ренту. Что же, неужели наши критики ничего не знаютъ о земельной рентѣ въ городахъ? Да тамъ-то именно ростъ ея особенно колоссаленъ. Развѣ она не ложится страшной тягостью на низшіе городскіе классы и прежде всего на рабочихъ? Да весь столь обострившійся повсюду за послѣднее время жилищный вопросъ тѣсно связанъ именно съ проблемой земельной ренты въ городахъ. Соціализація фабрикъ означаетъ соціализацію всѣхъ орудій производства и самого производства; а развѣ соціализація земли въ аграрной области равносильна соціализаціи земледѣльческой промышленности со всѣми ея орудіями?

Ничего подобнаго. Если этого часто не замѣчаютъ или объ этомъ часто позабываютъ, то лишь потому, что, особенно при современномъ низкомъ техническомъ уровнѣ крестьянскаго земледѣлія, значеніе земли, какъ фактора производства, заслоняетъ значеніе незатѣйливаго инвентаря, рабочаго скота и т. п. Но нельзя же на этомъ основаніи забывать, что въ смыслѣ *производства* соціализація земли еще не означаетъ никакого коренного переворота. Производство, пользованіе землею остается индивидуальнымъ. Соціализація земли въ деревнѣ можетъ, конечно, явиться прекраснымъ фундаментомъ для дальнѣйшей органической, творческой работы въ духѣ обобществленія крестьянскаго труда, развитія кооперативнаго и общиннаго хозяйства и т. д. Но вѣдь точно также и соціализація всей городской земли, ставя всѣхъ владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ, даже домовъ въ большую зависимость отъ муниципалитета, можетъ быть прекраснымъ фундаментомъ для дальнѣйшей органиче- [illegible]

*) Считаю нелишнимъ сдѣлать здѣсь одну оговорку. Я пишу о такъ называемомъ „максимализмѣ", но вся полемическая часть моей статьи направлена исключительно противъ [illegible]

Нельзя здѣсь прибѣгать къ упрощенію вопроса. Согласованность программныхъ требованій есть пониманіе взаимной зависимости разнообразныхъ партійныхъ задачъ въ связи со степенью ихъ относительной сложности. И съ этой точки зрѣнія приходится прежде всего различать между отношеніями собственности и отношеніями производства. Въ отношеніяхъ собственности можно произвести чрезвычайно крупныя перемѣны непосредственнымъ революціоннымъ актомъ или хотя бы однимъ декретомъ. Но переустройка на новыхъ началахъ *производства* однимъ почеркомъ или однимъ наитіемъ революціоннаго вдохновенія не совершается. Она требуетъ длительной, систематической, органической работы. Это то и забываютъ наши максималисты, когда кратко декретизуютъ: «выборное и отвѣтственное учрежденіе сумѣетъ справиться съ дѣлами, съ которыми управляются полуграмотные купцы, случайныя акціонерныя компаніи и ни къ чему негодное самодержавное правительство *).

Слушая такія рѣчи, можно только пожать плечами и спросить себя: что это—крайняя степень наивности? Неужели эти люди серьезно приравниваютъ нынѣшнюю коммерцію полуграмотнаго купца къ творчеству соціалистическаго производства по степени простоты или сложности задачъ того и другого дѣла? И что это значитъ? Имѣютъ ли они слишкомъ возвышенное представленіе о соціальномъ творчествѣ полуграмотнаго купца? Или слишкомъ плоское — о задачахъ соціализма?

Въ самомъ дѣлѣ, вдуматься только немного въ эту формулу. Что это значитъ—экспропріировать и соціализировать фабрику? Значитъ ли это—соціализировать фабричное зданіе, соціализировать тѣ стѣны, въ которыхъ происходитъ процессъ производства? Или это значитъ соціализировать самое производство, т. е. снять его съ фундамента хозяйства капиталистическаго и поставить его совершенно на новый фундаментъ хозяйства непосредственно-общественнаго? Фабрика, конечно, не есть фабричное зданіе. Фабрика есть живой производительный организмъ, раскидывающій свои щупальцы далеко за предѣлы фабричныхъ стѣнъ. Она непосредственно связана съ рынкомъ. Она предполагаетъ организованную доставку продукта потребителю. При капиталистическомъ хозяйствѣ доставка—на коммерческихъ началахъ, въ условіи конкурренціи и побиванія соперниковъ низкими цѣнами для завоеванія рынка. Соціализируя фабрично-заводское дѣло, необходимо соціализировать и распредѣленіе продукта, т. е. замѣнить обмѣнъ, торговлю и конкурренцію организованнымъ доставленіемъ продукта потребителямъ. Это со своей стороны предполагаетъ систематическій учетъ и расцѣнку по степени важности потребностей населенія, какъ и его производительныхъ силъ; распредѣленіе производительныхъ силъ между отдѣльными отраслями народнаго труда въ соотвѣтствіи съ потребностями; установленіе такимъ путемъ гармоническаго соотношенія, равновѣсія между разными отраслями производства. Нечего и говорить, насколько колоссальна эта задача, какой степени сознательности, сплоченности, единства и организаторскихъ способностей рабочаго класса требуетъ ея осуществленіе. Мы, конечно, нисколько не пугаемся ея громадности; мы знаемъ, что она должна быть осуществлена и будетъ осуществлена; но всегда имѣя ее передъ собою и выставляя ее, какъ ясно сознанную, основную цѣль, мы дѣлаемъ это не съ легкомысленнымъ игнорированіемъ ея сложности, но, наоборотъ, отдавъ себѣ полный отчетъ во всей ея величинѣ и вполнѣ понимая, во сколько разъ задача эта сложнѣе даже такой, тоже огромной и сложной задачи, какъ соціализація земли. Иногда опять-таки крайне упрощаютъ эту задачу тѣмъ, что обходятъ молчаніемъ вопросъ о томъ, кто и на какихъ началахъ будетъ завѣдывать фабрично-заводскимъ хозяйствомъ. Рабочіе не должны отказаться «отъ захвата власти, фабрикъ и заводовъ во время революціи», — вотъ какъ просто для иного максималиста рѣшается вопросъ *). Онъ и не замѣчаетъ, что этимъ вопросъ нисколько не рѣшается, а только ставится. Это мнѣ напоминаетъ поведеніе нашихъ с.-д., которые, будучи вынуждены считаться съ колоссально растущимъ движеніемъ крестьянства, борющагося за землю, рѣшились, наконецъ, на III-мъ съѣздѣ, на подобіе Александра Македонскаго, разрубить Гордіевъ узелъ аграрной проблемы, въ которой они такъ безнадежно запутались. Они заявили, что будутъ поддерживать крестьянство вплоть до полнаго захвата и конфискаціи частнаго землевладѣнія. И они не замѣчаютъ, что этимъ вопросъ не разрѣшенъ, а лишь поставленъ, что настоящій вопросъ заключается какъ разъ въ томъ, кому и на какихъ началахъ пойдетъ экспропріированное, кто будетъ имъ пользоваться, кто будетъ имъ завѣдывать?

Соціализація фабрично-заводской промышленности, повторяю, предполагаетъ соціализацію распредѣленія, предполагаетъ созданіе цѣлаго ряда учрежденій, дѣлающихъ возможной новую, планомѣрную организацію общаго труда на общую пользу; предполагаетъ, напр., хотя бы такую статистику потребленія, о которой мы сейчасъ лишь съ трудомъ можемъ составить себѣ полное представленіе... Политически она предполагаетъ, что организованный въ соціалистическую партію рабочій классъ не только достаточно сплотился, чтобы побѣдить всѣхъ своихъ враговъ, не только революціонно созрѣлъ для того, чтобы сломить всякое сопротивленіе и захватить въ свои руки бразды вершенія политическихъ судебъ страны, но и настолько воспитался, чтобы всецѣло творчески использовать эту свою побѣду.

Но государство въ лицѣ всѣхъ болѣе крупныхъ, обобщающихъ его органовъ какъ-то совершенно исчезаетъ изъ кругозора идущихъ «прямо къ цѣли» максималистовъ. Когда они пытаются вскрыть болѣе конкретно и опредѣленно формулу соціализаціи фабрикъ и заводовъ, то получается вотъ что: «Фабрики, заводы, всѣ предпріятія, пользующіяся въ настоящее время наемнымъ трудомъ, должны перейти всему трудящемуся народу въ управленіе мѣстныхъ городскихъ общинъ» *). Итакъ, соціализація фабрикъ и заводовъ принимаетъ болѣе точныя очертанія—*муниципализаціи* ихъ.

Если бы подъ «муниципализаціей промышленныхъ предпріятій» разумѣлось «максималистами» то же самое, что разумѣется вообще въ современной теоріи и практикѣ такъ называемаго «муниципальнаго соціализма», то они стучались бы въ открытую дверь. Программа-minimum п. с.-р. и безъ того включаетъ въ себя муниципализацію промышленныхъ предпріятій въ *этомъ* смыслѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что группа «Максималистъ» мыслитъ свою «муниципализацію», какъ мѣру всеобъемлющую, универсальную. Общинамъ, она хочетъ передать «всѣ (sic!) предпріятія, пользующіяся наемнымъ трудомъ». И здѣсь сказываются снова крайняя наивность и неумѣніе отличать и замѣчать огромную разницу, существующую между отдѣльными отраслями промышленнаго дѣла, не допускающими однородной организаціи завѣдыванія предпріятіями.

Возьмите хотя бы слѣдующее различіе: одни изъ этихъ предпріятій работаютъ на ближайшій рынокъ,—примѣрно, въ границахъ даннаго города; другія опираются на гораздо болѣе широкій территоріальный рынокъ; третьи снабжаютъ огромный общенаціональный рынокъ; наконецъ, для четвертыхъ даже этотъ послѣдній слишкомъ тѣсенъ, и они работаютъ на международный рынокъ. Совершенно ясно, что перваго рода предпріятія могутъ быть муниципализованы относительно легко. Что касается предпріятій слѣдующихъ разрядовъ, то соціализація ихъ предполагаетъ непремѣнно привлеченіе соотвѣтственно высшихъ органовъ народнаго самоуправленія вплоть до центральныхъ учрежденій. Я взялъ еще только одну сторону дѣла: размѣры рынка, съ которымъ связаны предпріятія. Но вѣдь здѣсь вступаютъ въ силу и другіе факторы—напримѣръ, степень концентрированности даннаго производства, степень его фактической монопольности или же, наоборотъ, распространенности конкуррирующихъ формъ. Если съ одними предпріятіями муниципалитету невозможно справиться вслѣдствіе ихъ величины, то съ другими—вслѣдствіе крайней раздробленности и многочисленности мелкихъ предпріятій, обусловленной техникой производства или обмѣна. Легче всего муниципализуются естественныя монополіи. Итакъ, кругъ вѣдѣнія муниципалитета, коммуны городской или сельской, въ области организаціи національнаго труда и національнаго потребленія на новыхъ началахъ по необходимости весьма ограниченъ; на ихъ долю выпадаетъ лишь часть этой огромной задачи, по своимъ размѣрамъ и характеру общенаціональной. И впредь до окончательной побѣды во всемъ государствѣ работа соціалистической партіи въ муниципалитетахъ не столько фактически заложитъ первые камни будущаго хозяйственнаго зданія, сколько докажетъ свою способность къ хозяйственному творчеству и демонстрируетъ въ маломъ масштабѣ возможность постановки всего веденія народнаго хозяйства на новыхъ на- [illegible]

будущаго строя начнется въ сущности лишь съ того момента, когда во всемъ государствѣ власть перейдетъ къ соціалистической партіи. Все, что этому предшествуетъ, есть лишь частичное ея предвосхищеніе и подготовленіе.

Задачи соціалистической партіи въ муниципалитетахъ современныхъ демократическихъ государствъ, такимъ образомъ, чрезвычайно важны и существенны, но въ то же время значенія ихъ нельзя утрировать. Авторы «Прямо къ цѣли» приходятъ къ этой утрировкѣ благодаря тому, что предполагаютъ въ революціонный моментъ *неизбѣжность* для соціалистической партіи взять въ свои руки завѣдываніе производствомъ. «Дѣйствительно, если рабочіе откажутся во время революціи отъ захвата власти и производства, а выставятъ требованія 8-ми-час. рабочаго дня, повышенія заработной платы, то это приведетъ въ ту пору всеобщаго разоренія, кризиса, безденежья—къ остановкѣ производства».

Что и говорить: несомнѣнно, кризисъ и революціонная неурядица потрясаютъ народное хозяйство. Но неужели это преимущество съ точки зрѣнія соціализаціи фабрикъ и заводовъ? Я полагаю, что трудности такой соціализаціи во время кризиса и разстройства въ условіяхъ сбыта не уменьшаются, а только увеличиваются. Посмотрите на парижскую коммуну. Она въ свое время переписала въ Парижѣ всѣ закрывшіеся и не работающіе фабрики и заводы и особымъ декретомъ передала ихъ въ завѣдываніе рабочихъ. И что же произошло? Да ничего: декретъ остался мертвой буквой. Вѣдь заводы потому и закрывались, что при всѣхъ средствахъ и всей изворотливости владѣльцевъ-капиталистовъ ихъ нельзя было вести. Фактически взять въ свои руки завѣдомо безнадежное дѣло — не самый ли это легкій путь къ дискредитированію себя и своихъ идей? Я убѣжденъ, что эпоха революціонныхъ неурядицъ менѣе всего подходяща для творческой работы въ смыслѣ соціализаціи производства. Эта работа безконечно труднѣе шаблоннаго веденія дѣла на обычныхъ коммерческихъ началахъ, и странно ожидать отъ нея большихъ успѣховъ тамъ, гдѣ превратности критическаго времени не даютъ возможности даже обычнаго веденія дѣлъ. Въ эпоху кризисовъ и гражданской войны всѣ силы должны быть употреблены на соціализацію самой рево- [illegible]

лективный «максималистъ» и которая потребовала бы и отвлекла бы громадную массу организаторскихъ силъ. Соціализація фабрикъ и заводовъ — огромная мѣра въ области органическаго творчества, а время для органическаго творчества наступаетъ по окончаніи катаклизма и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ катаклизмъ расчистилъ для него почву.

Но насъ иногда пугаютъ перспективой враждебнаго столкновенія съ настроеніемъ рабочихъ массъ. Намъ напоминаютъ, въ какомъ положеніи были с.-д. со своими «отрѣзками», когда трудовое крестьянство выступило съ требованіемъ всей земли. Намъ напоминаютъ, какъ мы ребромъ ставили передъ с.-д. вопросъ: за или противъ этого требованія выступаютъ они? Намъ напоминаютъ, какъ мы заставили с.-д. капитулировать въ этомъ вопросѣ. И пугаютъ насъ тѣмъ, что по отношенію къ соціализаціи фабрикъ и заводовъ мы окажемся въ томъ же непріятномъ положеніи, въ какомъ с.-д. очутились по отношенію къ вопросу о соціализаціи земли.

Какъ видите, зловѣщія перспективы! Но развѣ въ нихъ есть хоть что-нибудь реальное? И развѣ эта аналогія не является отъ начала до конца несостоятельной? Въ самомъ дѣлѣ, с.-д. стоятъ на точкѣ зрѣнія развитія капитализма до его крайнихъ логическихъ послѣдствій; только такой путь они считаютъ кратчайшимъ путемъ къ соціализму; всякая революціонная по своему существу попытка, всякая попытка, не дожидаясь «капиталистическаго самоотрицанія», круто повернуть къ коллективному началу въ той или другой частной области народохозяйственной жизни въ ихъ глазахъ несостоятельна, и съ нею они враждебно сталкиваются. Но гдѣ у насъ сколько-нибудь аналогичныя догматическія самоограниченія? Мы не ставимъ революціи никакихъ внѣшнихъ границъ; только количество и качество силы творческой и разрушительной, накопленной рабочимъ народомъ въ процессѣ борьбы, и ограничиваютъ въ каждый данный моментъ его революціонныя задачи. Будь сейчасъ у него налицо достаточная матеріальная сила для побѣды и интеллектуальная для полнаго использованія этой побѣды, развѣ насъ что-нибудь остановило бы отъ приступа къ непосредственному строительству соціалистическихъ формъ общежитія? Развѣ мы стали бы держать рабочія массы [illegible]

*) „Прямо къ цѣли", стр. 3.

*) „Прямо къ цѣли", стр. 12 [illegible]

*) [illegible], стр. 2.